

Аналогия и техническое творчество

Г.Я.Буш

2. АНАЛОГИ И РЕПРЕЗЕНТАНТЫ

Некоторые вещи уже в первобытном обществе стали служить в качестве символов — репрезентантов социального положения людей. Шкуры и кости, клыки и когти убитой дичи использовались в качестве великолепного и гордого украшения первобытного охотника и служили ему не столько в качестве эстетического наслаждения, сколько для утверждения его социального статуса как убедительные наглядные репрезентанты ловкости и мужества, умения и силы их обладателя.

Таким путем утилитарные вещи приобрели новое функциональное значение — опосредованно представлять, репрезентировать, выразить мысленное содержание, отличное от их собственной предметной определенности. По мере развития общества выражение функции репрезентации становилось все более актуальным. Многие вещи наряду с утилитарной получили ярко выраженную репрезентативную функцию. Дубина, ставшая репрезентантом власти, превратилась в скипетр, стул — в трон вождя, шапка — в корону, накидка из шкур — в царскую мантию.

Стали появляться вещи, обладавшие исключительно репрезентативной функцией, — амулеты, тотемы, эмблемы, знамена, боевые украшения. Постепенно люди научились понимать естественные репрезентанты объектов и явлений природы — следы зверей, повадки дичи, приметы погоды, изучили значение криков птиц и других естественных сигналов. Многие естественные репрезентанты длительное время оставались таинственными, непонятными для первобытного человека, его пугали удары грома, яркие вспышки молнии на ночном небе, шум водопада, симптомы болезней.

Общественная трудовая деятельность требовала усовершенствования общения и взаимопонимания. Развились мимика и жесты, появились языки — язык: сигналов, язык свиста, язык шепота, язык поведения — этикет, естественный разговорный язык. Значительна увеличилось количество и повысились качество и эффективность разнообразных репрезентантов — сигналов, символов, знаков, положительную роль которых в становлении и развитии человека трудно переоценить. Уже в первом толковом словаре репрезентантов древнекитайского ученого Сюи Шеня «Объяснение древних символов и анализ составных знаков» интерпретировались значения 9863 репрезентантов.

Важнейшая положительная роль языка как системы репрезентантов реальной действительности, выполняющей познавательную и коммуникативную функции, общеизвестна и общепризнанна. Язык — особая форма отражения действительности, поэтому он стал эффективным инструментарием познания и творчества.

В устном народном творчестве — фольклоре различных народов ярко заметны генетические, типологические и историко-культурные аналогии. Объясняется это отражением в нем общих закономерностей общественного развития народов, сходства их исторических судеб, быта и культуры. Такие аналогии » жанрах, художественных средствах, сюжетах, мотивах и типах героев — явление обыкновенное. Так, например, древнегреческие и древнеиндийские эпосы «Илиада» и «Махабхарата», «Одиссея» и «Рамаяна» аналогичны не только по форме, идеологической направленности, но и по сюжету: борьба за Троию в «Илиаде»-и борьба за Куруфельд в «Махабхарате», приключения Одиссея и приключения Рамаса, стремление предотвратить войну со стороны Агамемнона и со стороны. Юдхистхира, а также множество других сходных эпизодов. Естественно, что характер произведений фольклора, сюжеты, образы,

формы и художественные средства были приняты литературой, стали традиционными, представляющими особую разновидность аналогии и репрезентации — наследственность.

Античным мыслителям уже была известна аналогия слов и имен внутри языка. На отношения аналогии элементов языка особое внимание обратили древнегреческие софисты. Софист Продик Кеосский (род. около 470—460 гг. до н. э.) исследовал аналогичные по смыслу слова — синонимы и полусинонимы. Имеются основания предполагать, что им составлялись этимологические «гроздьи» родственных по значению слов, выявленных им путем классификации слов по критерию их аналогии и представляющих собой по существу прототип идеологических словарей — тезаурусов. Вклад в дальнейшую разработку проблем синонимии внес и другой софист — Александр Афродизийский.

Первую попытку рассматривать язык как систему репрезентирующих символов, имена — как особые; изображения вещей и на этой основе определить роль этих репрезентантов в познании предпринял Платон. По мнению Платона, языковые знаки являются орудиями познания чувственно воспринимаемых вещей и служат для передачи результатов этого познания приобщению людей.

Основоположником современной семиотики как теории знаков или репрезентантов считают видного американского логика и философа Чарльза Пирса (1839 — 1914). В трудах Пирса нет систематического изложения семиотики, в его представлении семиотика заменяет логику. По мнению Пирса, знак и репрезентант (sign or representamen) одно и то же, теорией репрезентации, или знаковых процессов, является" семиотика. В заслугу Пирсу следует отнести весьма подробное изучение функций знаков, особенно в таких: сферах научного познания, как логика и математика. Знаковая ситуация и способ репрезентации всегда содержат три элемента: обозначаемый, или репрезентируемый объект (десигнат, денотат), репрезентант, или знак (иконический знак, знак-индекс, символ), и интерпретант (непосредственный, динамический).

По концепции Ч. Пирса, «быть знаком» значит «быть репрезентантом» [131, с. 135]. Сущность репрезентации — процесс отображения для интерпретатора какого-либо объекта или события с помощью знаковых средств. Разницу между непосредственно себя онтологически представляющим объектом и опосредованно представляемым объектом он называет семиотически онтологической разницей, служащей предпосылкой для введения семиотического знака. С точки зрения интерпретатора, знак выражает значение употребления, значение объекта зависит от контекста. Философская концепция Ч. Пирса, которую можно назвать семиотическим феноменализмом, абсолютизирует значение семиотики. Мышление и познание, по мнению Пирса, осуществляются только посредством знаков. Знаками являются не только символы и сигналы в обычном понимании, но и мысли, ощущения, сам человек. Все репрезентанты — это знаки, хотя их природа может быть весьма различной: «делегат, депутат, посол, агент, викар, диаграмма, симптом, игральная марка, описание, концепция, посылка, свидетельство различным способом репрезентируют что-то» [131, с. 155]. Знаки сами по себе знания не содержат, они должны интерпретироваться с помощью других знаков. По концепции Пирса, познание является формальным, бессодержательным процессом перевода одного знака в другой, не имеющим ни начала, ни конца. В нашу задачу не входит исследование особенностей философских взглядов Ч. Пирса, в которых, по мнению комментаторов, содержатся элементы не только семиотического феноменализма, но и реализма, прагматизма, тихизма, синехизма, агапизма, релятивизма и материализма. Вернемся к рассмотрению проблем репрезентантов.

Определения и классификация репрезентантов или знаков, разработанная Ч.

Пирсом, является общепринятой в общей семиотике [152]. К сожалению, несмотря на то, что Ч. Пирсу действительно удалось раскрыть множество особенностей и функций знаков, отношений между компонентами знаковой ситуации, определения и классификацию их нельзя считать удовлетворительными. Это признают даже близкие ему по «философским взглядам исследователи. Так, например, представитель презентационального символизма американский философ Сюзанна Лангер пишет: «Чарльз Пирс, вероятно первый, кто всерьез начал заниматься семантикой, начал с составления инвентарной ведомости всех „символьных ситуаций" в надежде, что в случае укомплектования всех возможных значений „значения" будут выявлены их эмпирические различия, на основе которых представится возможным разделение овец и баранов. Однако вместо того, чтобы этот беспорядочный табун осторожно рассортировать на несколько пород, он его дробил и передробил до устрашающего разветвления иконических, качественных и общих знаков, простых знаков, знаков, влияющих на антецедент и консеквент, и знаков, влияющих: на антецедент, консеквент и принцип следования так, что заверение Пирса, будто бы количество его первоначальных 59049 типов знаков можно свести к 66 видам, является лишь слабым утешением» [119, с. 62].

Классификация знаков наиболее полно изложена в письмах Ч. Пирса к леди Уелби [132, с. 220—245], где описано десять трихотомий знаков-репрезентантов. Обещанные в этих письмах дополнительные разновидности им никогда не были удовлетворительно изложены. Классификация выполнена им без соблюдения правил деления объема понятия.

В тридцатые годы Чарльз У. Моррис (р. 1901) сформировал семиотику как общую теорию знаков, обобщив идеи Огдена и Ричардса, исследования Ч. Пирса, концепции логического позитивизма Венского кружка и постулаты поведенческой психологии. С целью «объяснения, с поведенческой точки зрения, науки, политики, искусства, этики и религии он в своей теории общей семиотики изменил определения Ч. Пирса: знаковость им определялась в бихевиористическом духе как способность какого-либо стимула вызывать склонность к реагированию. По концепции Ч. Морриса, «семиотика — это наука о знаках, независимо от того, являются ли они знаками человека или животных, языковыми или неязыковыми, истинными или ложными, адекватными или неадекватными, здоровыми или патологическими» [128, с. 186—187]. Однако бихевиористская семиотика зашла в тупик, поскольку ей не удавалось удовлетворительно объяснить знаковость прошлых и любых непосредственно не наблюдаемых событий как поведенческую «склонность». Ч. Моррис внес некоторый вклад в исследование отношений между репрезентантом (знаком) и интерпретатором. Разработку общей семантики осуществлял также польский инженер А. Кожибский (1889—1950), считавший, что модель теории значения Огдена и Ричардса совершенно неадекватна сложности и тонкости человеческих отношений. Он предлагал вместо репрезентантов и операций свою теорию оценки, основанную на оптимуме электроколлоидного действия и реакции нервной системы. Теория Кожибского раскрыла ряд недостатков общей семантики, однако не «смогла показать верного выхода из положения, поэтому К. И. Льюис пытался обосновать связь логического с фактами путем соединения неопозитивистской концепции логики с прагматистским критерием выбора логической системы, применяемой к опыту. По его мнению, значение термина в языке имеет четыре модуса: (1) денотат — класс действительных вещей, к которым относится данный термин (объем понятия); (2) охват — класс всех возможных, т. е. мыслимых без противоречия вещей, к которым можно было применить данный термин; (3) сигнификат — свойство, указывающее на правильность применения термина, и (4) содержание — конъюнкция всех терминов, каждый из которых применим ко всему тому, что обозначено исходным термином. На основе этой концепции в аналитических высказываниях, истинность которых зависит только от по-

рядка и значения терминов, последние находятся в обратном отношении: выражения, имеющие нулевой охват («круглый квадрат»), имеют универсальное содержание, а имеющие универсальный охват (бытие) — нулевое содержание.

Осмысливание проблем языка и его отношений с действительностью в идеалистическом толковании достигло своего апогея в лингвистических концепциях неопозитивизма, однако попытки полного объяснения языка его частью, сводимой к простым искусственным схемам, натолкнулись на непреодолимые препятствия. Неопозитивистские взгляды терпят банкротство, поэтому ряд их приверженцев приближается в решении лингвистических проблем к позициям материализма.

Таким, в кратком изложении, выглядит общий путь развития идей о репрезентации. Как всякий путь развития, он зигзагообразен, противоречив, извилист. За каждым найденным золотым зернышком истины на этом пути лежат горы переработанной пустой породы. Еще много проблем необходимо решать на этом пути, многие из них уже поставлены в процессе поиска, другие следует выявлять путем анализа отношений, репрезентации, разновидностей репрезентантов и их особенностей.